

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

БАЙРОНА.

ПѢСНЯ ВОСЬМАЯ.

I.

О, кровь и грѣшныя ужасныя слова!
 Но вѣдь они есть полонезы изъ славы.
 Я ль виновать, что слава такова?
 А потому я съ музосою не вправѣ
 Умалчивать объ ужасахъ войны.
 Названья ей различныя даны:
 Беллона, Марсъ, но все же въ заключенно
 Не скроемъ мы нѣтъ страшнаго значення.

II.

Готово все — огонь, мечи, народъ,
 Чтобъ смерть нести повсюду по дорогъ,
 И на рѣзню вся армія ползеть,
 Какъ страшный дѣвъ, ползущій изъ берлоги,
 Какъ гидра изъ бодотистыхъ трясины,
 И этотъ стоголовый иснодинъ
 Въ борьбѣ кровавой головы теряетъ —
 И тотчасъ ихъ другими замѣняетъ.

III.

Исторія ея grand на все глядитъ,
 Но еслибъ мы узнали всё детали,
 То вѣрно бь ощутили тайный стыдъ
 И славу войнъ сомнительной признали.
 Не слишкомъ ли тяжелою цѣной
 Побѣды покупаются войной?
 Не выше ли минута состраданья
 Всѣхъ долгихъ войнъ, убійствъ и истязанья?

IV.

Она самодовольство въ насъ родитъ;
 Межъ тѣмъ война съ триумфами похода,
 Со всѣмъ, что въ ней чаруетъ и дивитъ,
 Съ налогами голоднаго народа,
 Съ ея войсками, шедшими впередъ —
 Однихъ людей бездушныхъ увлечетъ...
 Бой, поднятый не за свободу братій,
 Есть рядъ убійствъ, достойныхъ всѣхъ проклятій.

V.

Нѣтъ, славу этихъ войнъ мы не забываемъ,
 Со славою Леонида, Вашингтона и Ланкастера,
 Хотѣлось за свободу драться и жить,
 Пусть какъ теперь, такъ и во времена А.
 Побѣдами дивилъ свой деспотъ,
 Но слава двухъ героев не упретъ въ плечи
 Ихъ имена признавать всея народомъ,
 Святымъ и вѣчнымъ дозволеньемъ свободнымъ народомъ.

VI.

Настала ночь и сквозь туманъ ночной
 Лишь только пламя пушекъ прорывалось
 И лентою кровавою одной
 Въ вѣмыхъ струяхъ Дуная отражалось.
 Ревъ батарей ужасныхъ потрясалъ
 Сильнѣй, чѣмъ громъ, гремящій между скалъ!
 Гроза небесъ насъ рѣдко убиваетъ,
 Но громъ людей неистово терзаетъ.

VII.

Одна колонна двигалась впередъ,
 И къ приступу готовилась вараи,
 Близка атака страшная — и вотъ
 Очнулись наконецъ и мусульмане
 И встрѣтили отпоромъ христианъ;
 Тогда земля и волны и туманы
 Зажглись огнемъ, вса крѣпость запылала
 И словно Этна дымъ навзвела.

VIII.

Надъ крѣпостью пронесся крикъ: «Аллахъ!»
 Зловѣщій грохотъ битвы покрывая,
 И повторился онъ на берегахъ,
 Его шептали волны, повторяя...
 Онъ былъ и вызывающъ, и могучъ,
 И даже наконецъ изъ темныхъ тучъ
 Святое имя это раздавалось...
 «Аллахъ! Аллахъ!» повсюду повторялось.

IX.

Къ осадѣ устремились всѣ полки.
 Одна колонна на крѣпости сдерживалась,
 Чтобъ бой начать со скоростью рѣвки
 Но, слово адствя обидно, зашумела,
 Хотя Арсеньевъ, пераши на рубакъ,
 Чье имя повторялъ со страхомъ врагъ,
 Ихъ велъ къ рѣзні. «Вѣра есть — долина Воинны,
 Сказалъ Вердсвертъ, — не вѣро въ эту ложь».

X.

Ужъ принцъ Де-Линь въ войнѣ раненъ былъ;
 Графъ Шапо-Бра (*) (Мой Богъ! вотъ голова-то!)
 Межъ головой и шляпой получилъ
 Ударъ, но крѣпкій лобъ аристократа
 Пробить шальная пуля не могла
 И даже шляпу графа сберегла.
 Такой примѣръ едва ли, впрочемъ, новый:
 Свинцовыхъ пуль не труситъ лобъ свинцовый.

(*) Герцогъ Ришелье.

XI.

А въ это время Марковъ генералъ
 Велѣлъ, чтобъ принцу помощь оказали,
 И въ то же время словно не видалъ,
 Какъ вокругъ его солдаты умирали,
 Безъ помощи, прося глотокъ воды,
 Освобождая принца отъ бѣды,
 Онъ въ наказаніе самъ въ бѣду попалъ:
 Разбитъ ядромъ, онъ безъ ногъ остался.

XII.

Три сотни пушекъ грозно нѣрыгать.
 Пустились смертоносныя пилюли,
 Чтобъ стали люди кровью истекать...
 Какъ градъ войны, кругомъ свистали пули...
 О, смертный часъ! о, голодь! о, чума!
 Ужасны вы, ужасна ваша тьма,
 Но вамъ едва ли выдержать сравненіе
 Съ рѣзною изступленнаго сраженія.

XIII.

Куда въ испугѣ мысли бросить — не знаю,
 Вездѣ встрѣчаемъ мучимъ и страдающихъ,
 Тамъ съ хрипыми крикомъ плачутъ создатели,
 Тамъ корчи по землѣ и содроганья,
 Вотъ вся награда сеченныхъ хребтовъ,
 А поманенныя битвою бойцы
 Ждутъ лангетца въ петлицу, пошегуютъ,
 Но все же слава, — долженъ я признаться, —

XIV.

Мнѣ дорога. Приятно вѣкъ дожить
 Подъ старость на казенномъ содержаньи,
 И пенсіонъ за службу получить:
 Для война онъ — высшее желанье...
 Приятно герои нужны для пѣвца,
 И такъ, герои бьются до конца
 За тѣмъ, чтобъ ихъ прославили съ трезвономъ,
 А послѣ наградили пенсіономъ.

XV.

Передъ рядами грозными баттарей
 Высаживались много отряды,
 Чтобъ приступить къ атакамъ нескорѣй,
 И лѣзли гренадеры съ свосъ прегриды
 Такъ весело, какъ рѣвое дити
 Ползеть къ колѣнямъ матери шутя,
 Такъ смѣло частоколы промѣтали,
 Какъ будто на паромъ въ озерахъ.

XVI.

То былъ великолѣпный, чудный видъ!
 Везувій самъ съ такою дикою страстью
 Не могъ бросать осколки скалы и плиты
 Своею раскалившеюся пастью...
 Погибла офицеровъ третья часть;
 Безъ нихъ войска могли бы духомъ пасть,
 Стрѣлку собаки нужны, но охотникъ
 Охотникъ палъ, и не нужна собака.

XVII.

Но здѣсь я долженъ кончить (продолжить,
 Какъ мой герой шелъ по дорогѣ къ славы
 Вѣдь всѣхъ героевъ ни на что считать,
 Хоть и они вѣнокъ лавровый въ раю
 Потребовать отъ каждаго нѣльзя,
 Но списокъ ихъ продался бы безъ кача, а такъ и такъ
 И храбрость ихъ вѣнками награждать,
 Не кончалъ бы романа никогда.

XVIII.

И потому такой почтенный трудъ
 Вполнѣ предоставляю я газетамъ:
 Пускай они убитыхъ перечтутъ,
 Помянутъ ихъ съ печалью и привѣтами
 И трижды, трижды будетъ сдѣлано то же,
 Чье имя журналисты не переведутъ:
 Одинъ примѣръ я знаю: Гроссъ скончался
 И послѣ смерти Гроссъ онъ назывался.

XIX.

Въ разгаръ атаки Френотъ былъ Жуанъ,
 А съ нимъ — Джонсонъ, и обоимъ
 Рубя и поражая мусульманъ,
 И шли — куда? — они того не знали,
 Но шли впередъ, шагали чрезъ гѣды,
 Тамъ, гдѣ рѣзня отчаяннѣй была,
 Друзья разгоряченные валились
 И словно надъ опасностью свѣлались.

XX.

То подвигались нѣсколько впередъ
 Они среди окровавленныхъ труповъ,
 Чтобъ овладѣть у каменныхъ высотъ
 Однимъ изъ выдававшихся уступовъ,
 То отступали медленно назадъ,
 Когда ихъ осыпалъ чугунный градъ,
 По лужамъ крови ноги ихъ скользили
 И умиравшихъ вонювъ давили.

XXI.

Въ тотъ день Жуанъ извѣдалъ въ первый разъ
 Военный дѣлъ. Хотя всю ночь онъ дрался
 И службу испыталъ въ полночный часъ,
 Отъ холода, быть можетъ, содрогался
 И ждалъ когда изъ массы темныхъ тучъ
 Проглянетъ узра радостнаго лучъ,
 Но все же Донъ-Жуанъ не растерялся
 И бѣгствомъ отъ осады не спасался.

XXII.

А если бѣ и бѣжалъ — бѣды въ томъ нѣтъ.
 Такъ многіе герои начинали.
 Припомните, какъ Фридрихъ, сынъ побѣды,
 При Мольвицѣ бѣжалъ... мы все бѣжали
 Въ подобномъ положеніи, — потомъ,
 Переломивъ себя, шли на проломъ,
 И ради денегъ или убѣжденій
 Какъ дьяволы дрались среди сраженій.

XXIII.

Онъ былъ, какъ Брэнъ прежде называлъ
 На древнемъ языкѣ ирландскомъ, или
 На языкѣ пуническомъ: — (я зналъ,
 Что мудрецы нныя находили,
 Сродство между ирландскимъ языкомъ
 И рѣчью Ганинбада. Я знакомъ
 Съ тѣмъ мнѣніемъ: оно рационально,
 Но только вовсе не національно).

XXIV.

Онъ былъ, какъ по ирландски говорятъ,
 «Цвѣтъ юности», поэзіи созданье;
 То упиваться страстью былъ онъ радъ,
 Жилъ для любви и пылкаго лобзанья,
 То съ радостью бросался въ шумный бой,
 Готовый въ битвѣ жертвовать собой,
 И отдаваясь новымъ ощущеньямъ,
 Считалъ рѣзню приятнымъ развлеченьемъ.

XXV.

Въ любви, какъ и въ бою, онъ веселъ былъ,
 Вполнѣ могла гордиться молодежь имъ;
 Нашъ Донъ-Жуанъ сражался и любилъ,
 Какъ говорятъ, съ «намѣреніемъ хорошимъ»,
 Такъ дипломатъ, герой, законовѣдъ
 Готовятъ намъ всегда одинъ отвѣтъ:
 «Трудились мы во имя доброй цѣли».
 Жаль, что въ аду устроены панели —

XXVI.

Изъ этихъ «добрыхъ цѣлей» (*). Если адъ
 Такою мостовою обладаетъ,
 То думаю, — теперь она наврядъ
 Еще цѣла, затѣвъ что въ адъ всучивать
 Безъ всякихъ добрыхъ цѣлей разный обредъ,
 И путникъ мостовой той не найдеть.

(*) Намекъ на одну португальскую пословицу, которая говоритъ: «адъ вымощенъ добрыми намѣреніями...»

Теперь въ аду, — тамъ улицы навѣрно,
Какъ въ Лондонѣ Поль-Модь, (*) , содержатъ скверныя

XXVII.

Капризная случайность много разъ
Жену отъ мужа разомъ отдѣляла
И онъ совсѣмъ терялъ ее изъ глазъ.
Такъ и теперь случайность испугала
Героя моего: замѣтилъ онъ,
Что перестрѣлкой жаркой увлеченъ,
Вдругъ очутился онъ на новомъ мѣстѣ,
И нѣтъ его товарищей съ нимъ вмѣстѣ.

XXVIII.

Тотъ случай пусть другіе объясняютъ
Товарищи, быть можетъ, смѣты были,
А остальные бросались назадъ,
Такъ нѣкогда и Цезаря смутили
Его войска, и былъ онъ принужденъ
Сбирать за легиономъ легионы
И снова призывалъ ихъ для сраженья
И мести за минуту пораженья.

XXIX.

Но Донъ-Жуанъ — не Цезарь былъ, ему
Не предстояло подвига такого,
Хотя и храбръ онъ былъ, а потому
Онъ востоялъ минуты двѣ и снова
Какъ... какъ оселъ (читатели! Гомеръ,
Пусть вамъ послужитъ въ прокъ такой привѣръ,
Къ Аяксу прилагалъ сравненье то же,
Такъ мнѣ его стыдиться дѣла лего же?)

XXX.

И такъ, впередъ пошелъ онъ, какъ оселъ,
И даже не хотѣлъ и оглянуться,
Но видя, что въ огонь онъ прямо шелъ,
Жуанъ назадъ рывнулся: обернуться,
Стараясь отыскать свой полкъ въ дыму,
Что было трудно нѣсколько ему:

(*) Улицы въ Лондонѣ.

Весь цѣпкъ, въявляюся, съ подаркомъ блѣдн, и на я II
 На половину въ трунѣобразномъ, и на я II

XXXII

Не видя ни начальства, ни полка,
 Богъ вѣсть куда провадилъ (не старался
 Тотъ случай объяснить, а на пона
 Лишь объ одномъ замѣлитъ, а въ себѣ думаетъ)
 По моему, совсѣмъ въ томъ видѣ нѣтъ,
 Что юноша въ горячкѣ юныи, а въ
 За славою гоняся, далеко, отъ
 И невзначай съ полкомъ своимъ, разошелся)

XXXIII

Итакъ, Жуанъ совсѣмъ сталъ одинокъ,
 И чувствовалъ подлѣйшую свободу,
 Какъ путникъ на болотный островъ,
 Стремится ночью въ дождь и непогоду,
 Какъ выброшенный на берегъ морякъ,
 Себѣ приюта ищетъ, — точно такъ,
 И Донъ-Жуанъ, руководимый славой,
 Спѣшилъ туда, гдѣ жарче бой кровавый.

XXXIII

Жуанъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать,
 Гдѣ былъ теперь, — вся кровь въ немъ запылала,
 И стали взоры молни метать,
 И жажда битвы жгла и оцѣпляла.
 Туда, гдѣ пушекъ слышался раскатъ,
 Гдѣ словно разверзлася дѣлая адъ,
 Онъ бросился... О, Баконъ! Истребленье
 Намъ принесло твое изобрѣтенье!

XXXIV

Жуанъ бѣжалъ впередъ, и на бѣгу
 Съ второй колонной Ласи повстрѣчался.
 Въ колоннѣ той, благодаря врагу,
 Онъ многихъ храбрецовъ не досчитался:
 На половину силы лишена,
 Теперь адрасъ отчаянно она.

(*) Монаху Бакону приписываютъ первое изобрѣтеніе пороха.
 Т. СХ. Отд. I.

И къ ней Жуанъ присянулъ, какъ новый рощадъ свой
И сталъ въ рады уверенно спокоецъ.

XXXV.

Въ ту самую минуту Джонсонъ
Явился тамъ же, послѣ отступленья:
Такъ поступаетъ воинъ, если онъ
Спѣшитъ бѣжать, боясь пораненья.
Но, кажется, Джонсонъ бѣжитъ не такъ охотно:
Послѣднимъ битву кинуть онъ готовъ,
Когда же отступалъ, то, безъ сомнѣнья,
Особое имѣлъ соображенъе.

XXXVI.

Замѣтилъ скоро опытный Джонсонъ,
Какъ вокругъ него солдаты умираютъ,—
Одинъ Жуанъ былъ случаевъ спасень;
Всѣ новички, опасности не знаютъ
И жизнью рискуютъ невпопадъ...
Тогда Джонсонъ вдругъ повернулъ назадъ,
Въ минуту эту страшную готовый
Товарищей созвать для битвы новой.

XXXVII.

Въ то время пули сыпались кругомъ,
Съ заваловъ, съ бастіона Измаила,
Изъ оконъ, съ крышь; какъ черти, въ каждый домъ
Засѣли мусульмане, — трудно было
Войскамъ ту перестрѣлку выносить...
Межъ тѣмъ Джонсонъ, рѣшившись отступить,
Своихъ стрѣлковъ увидѣлъ въ отдаленьи,
Разсѣянныхъ въ испугъ и смятеньи.

XXXVIII.

Онъ позвалъ ихъ — они сошлись на зовъ
Скорѣй, чѣмъ духи. Вспомнимъ изреченье,
Что не всегда любезный духъ готовъ
На вызовъ нашъ пріяти (*). Въ одно мгновенъе

(*) Здѣсь Байронъ намекаетъ на одну сцену изъ «Тетриха IV» Шекспира, гдѣ есть такое мѣсто:

Glendover. «John will spring from the vasty deep.»

Стрѣлки передъ Джонсономъ собрались...

Съ такимъ инстинктомъ люди подлились:

Они вездѣ являются какъ стадо.

Кому нибудь имъ подчиняться надо.

XXXIX.

Юпитеромъ клянусь я, что Джонсонъ

Былъ славный малый, хоть и назывался

Не столько благозвучно въ мирѣ онъ,

Какъ Ахиллесъ съ Аяксомъ, но сражался

За то неутомимо, точно левъ!

Въ его лицѣ былъ не замѣтенъ гнѣвъ,

Негодование сильное, волнение:—

Онъ подвиги свершалъ безъ восхваленья.

XL.

Онъ отступилъ, но это было расчетъ.

Онъ зналъ, предпринимая ретираду,

Что назади товарищей найдетъ

И снова поведетъ ихъ на осаду.

Герои робость чувствуютъ цѣрой,

Но если въ битву ранится герой,

То отступаетъ только на мгновение,

Чтобъ отдохнуть и— снова въ пылъ сраженья.

XLI.

Джекъ отступилъ, какъ я ужъ говорилъ.

Чтобъ вновь солдаты вѣсти на мѣсто это.

Гдѣ страхъ въ безвѣстный мигъ переходитъ,

По выраженью старому Гамлета.

Но этимъ не тревожился Джонсонъ;

Какъ гальванизмомъ, былъ онъ оживленъ.

И вонювъ его олушевленья

Заставило вновь броситься въ сраженья.

Hotspur. Why so can you, if you saw any men:

But will they come when you do call for them?

(Глундоверъ «Я могу вызвать духовъ изъ глубины пропасти.»

Готспюръ. Ну, это могу и я, и всакій это можетъ,

Только придутъ ли они на званье ваше?)

Но, чортъ возьми! Нашли они опять
 То самое, что ихъ еще недавно
 Заставило отъ битвы убѣжать.

О, пусть за службу платятъ имъ исправно,
 Пусть о безсмертн славы говорятъ, —
 Они нашли, что снова въ кругу ихъ адъ,
 И на себѣ тотчасъ же испытали
 Тѣ ужасы, которыхъ убѣжали.

XLIII.

Какъ подь косою склоняется гравя,
 Какъ хлѣбъ подь градомъ, войны нахлылись.
 Та истина давно ужъ не нова,
 Что съ жизнью очень хрупкой мы родились.
 Стрѣляли турки мѣтко оченъ въ цѣль
 И тотчасъ обратили ихъ въ кисель,
 И храбрецы, бросавшися львами,
 Съ разбитыми летѣли головами.

XLIV.

Какъ дьяволы, скрываются за стѣной,
 Ряды солдатъ сметали мусульмане,
 И смерть носилась бурей степной...
 А между тѣмъ, въ томъ огненномъ туманѣ
 (Чѣмъ объяснить людской судьбы законъ?)
 Съ толпою храбрецовъ своихъ Димонсонъ,
 При свистѣ пуль; въ дыму впередъ пробравшомъ
 И наконецъ на вершѣ стѣны оборавшомъ.

XLV.

Одинъ, другой и скоро весь кружокъ
 Былъ на стѣнѣ, — но ихъ въ минуты эти
 Рискъ всюду ожидать: какъ кипятки,
 Жгли пули тѣхъ, кто былъ на параветѣ,
 И тѣхъ, кому пришлось стоять внизу,
 А потому чуждую грозу
 И тучи пуль, не пролетающихъ мимо,
 Выдерживать пришлось неумолимо.

XLVI.

Но кто доблестнѣе сражался, тотъ увидалъ,
 Что ихъ спаста бѣда осажденныхъ,
 Турецкій инженеръ не понималъ
 Въ войнѣ постройки самыхъ не мудреныхъ:
 Онъ въ центрѣ парашета нужнымъ считалъ
 Наставитъ бесполезный чистый холъ,
 И бравшимъ крѣпость эту не преграда,
 А помощь оказали паша и паша.

XLVII.

За тѣмъ, что тамъ на каждой сторонѣ
 По десяти солдатъ ждалъ держаться,
 Чѣмъ пользоваться начали вслѣдъ
 Успѣвшіе къ площадкѣ той добратися:
 Они могли стрѣлять тамъ, ставши въ рядъ,
 И опрокинуть тотчасъ палисады,
 Не всѣ изъ нихъ однако увидѣли,
 И наконецъ пришли къ желанной цѣли.

XLVIII.

Межъ первыми, — о прусскомъ умовѣ,
 Я знаю, что такое предпочтеніе
 (Я поселать раздора не хочу)
 Родить и межъ друзьями оторченіе.
 Скажите мнѣ, какой же смѣлымъ Бриты
 Джонъ Булю могъ сказать, что былъ разбитъ
 Нашъ Валлигтонъ, хотя такое мнѣ
 Пруссаки повторяютъ безъ сомнѣнья.

XLIX.

Они еще прѣдъ нами говорятъ,
 Что если бѣ Блюхеръ, Биллоу, Гнейссенау
 И множество другихъ на мостѣхъ
 Не подошли, то Валлигтонъ наврядъ
 Сберегъ подъ Ватерлоо чести и славы,
 Но отступилъ безъ малейшаго назиданья
 За что потомъ англійскіе пенсіонары
 Такъ говорятъ они про Валлигтона.

L.

Но пусть хранитъ всѣхъ сильныхъ міра, вѣдь имъ не ждуть охраны отъ народа,
 Я словно пѣнье птички подстерегу,
 Она поетъ, что въ міръ идетъ свобода,
 И кляча принимается даять,
 Когда хомутъ начнетъ ей шею жать,
 И Иова терпѣнье, вѣроятно,
 Не долго людямъ будетъ такъ приятно.

LI.

Толпа ворчитъ слала, какъ Давидъ,
 Потомъ бросаетъ камни въ великана
 И наконецъ съ оружіемъ бѣжитъ,
 Ожившая отъ гнета и обмана.
 И тутъ начнется бой, заблещетъ сталь...
 При этомъ могъ воскликнуть я: «какъ жады!»
 Но убѣжденъ, что общее движеніе
 Спасетъ весь шаръ земной отъ оскверненія.

LII.

Но даѣе.— Не первымъ, я сказалъ,
 Но лишь однимъ изъ первыхъ устремился,
 Безстрашный Донъ-Жуанъ на грозный валъ;
 Онъ словно въ битвахъ выросъ и родился,
 Хоть жаркій бой онъ видѣлъ въ первый разъ,
 Отъ жажды славы кровь его зажглась,
 И—женственный, чувствительный, прекрасный—
 Увлекся онъ теперь рѣчей ужасной.

LIII.

Да, онъ былъ тамъ, на крѣпостной стѣнѣ,
 Онъ, то дитя, которое любило,
 Склоняться къ женской груди въ тиши,
 Жуану знать совѣщъ не нужно было!
 Слова Руссо: «красавица! сиди,
 За милымъ ты, когда съ твоей груди
 Онъ соскользнетъ». Жуанъ не понималъ ни
 Когда любилъ. Его отъ губы амальг

LIV.

Одна судьба могла лишь оторвать,
Иль вѣтры, или волны, или родные
(Ихъ, впрочемъ, невозможно различать).
Теперь же на бойницы крѣпостныя
Онъ сдѣлалъ смѣлый шагъ, — онъ, чья душа
Была чиста и дѣтски хороша,
И какъ скакунъ прищпоренный помчался
Туда, гдѣ голосъ смерти раздавался.

LV.

Къ его вискамъ ключемъ бросалась кровь,
Встрѣчаясь вдругъ съ препятствіемъ неожиданнымъ.
(Такъ всадники нерѣдко хмурятъ бровь —
Предъ первымъ же заборомъ деревяннымъ,
И тотъ изъ нихъ, кто больше всѣхъ тяжелъ,
Рискуеть испытать не мало золь...) —
Онъ издали могъ звѣрству ужасаться,
Пока въ немъ кровь не стала разгораться...

LVI.

Въ главѣ колонны бывшій генералъ,
Со всѣхъ сторонъ тѣненнымъ и разбитый.
Вдругъ храбрецовъ неожиданныхъ увидалъ
И, удивленъ подобною защитой
Благодарить Жуана поспѣшилъ,
Сказавъ, что сдаться долженъ Измаилъ.
Онъ, какъ Пистоль (*), угадывалъ заранѣ,
Что встрѣтилъ не бездѣльника въ Жуанѣ.

LVII.

Но Донъ-Жуанъ языкъ нѣмецкій зналъ
Не болѣе санскритскаго; — поклономъ
Онъ только генералу отвѣчалъ,
По лентамъ же его окровавленнымъ,
По тону, по медалямъ и звездамъ,
По важнымъ повелительнымъ рѣчамъ
Жуанъ въ одну минуту догадался,
Что крупнымъ онъ сановникомъ считался.

(*) Личность изъ одной Шикширской драмы.

LVIII.

Но ихъ бесѣда длиться не могла,
 Они другъ друга мало понимали!
 Когда кругомъ насъ мертвыя глаза,
 Когда вокругъ насъ дрались и умирали,
 Когда средь вздоховъ, стоновъ, криковъ, слезъ
 Вступить съ другимъ въ бесѣду намъ пришлось,
 То каждый былъ на дѣлѣ обвиненъ,
 Что разговоръ не долго бы продолжался.

LIX.

Что здѣсь въ восьми строкахъ я описалъ,
 Въ одну минуту это совершилось,
 Но кто минуту эту испыталъ,
 Тѣмъ никогда она не позабылась.
 Въ единый стонъ слился весь Измаилъ
 И словно грохотъ пушекъ заглушилъ:
 Разслышать можно было птички дѣнье,
 Средь ужасовъ предсмертнаго хрипѣнья.

LX.

Взять Измаилъ... «Богъ чины сотворилъ,
 А города создать умѣли люди».
 Слова поэта здѣсь я повторилъ:
 Согласенъ я. Когда распались въ грудь
 Римъ, Тиръ и Вавилонъ и Картегенъ,
 То у развалинъ этихъ завалихъ стѣнъ
 Подумаешь, что мѣръ къ тому стремились,
 Чтобъ вновь въ лѣсахъ дремучихъ поселиться.

LXI.

Изъ всѣхъ людей, всѣхъ націй и временъ,
 (Межъ ними Сулла только исключенье)
 Изъ всѣхъ насъ ослѣпляющихъ именъ,
 Лишь Бунъ одинъ зналъ счастье безъ волненья.
 Жилъ, какъ охотникъ, этотъ генералъ,
 Однихъ звѣрей лѣсныхъ онъ убивалъ.
 Среди лѣсовъ страны своей далекой
 И честно жилъ до старости глубокой.

LXII

Онъ преступленій въ жизни не знавалъ,
 Они бѣгутъ всегда уединенны,
 Онъ бодрости и силы не терялъ,
 Не слыша стонозъ, войновъ и презрѣнья...
 Мы всѣ не ищемъ счастья въ тиши,
 Но въ тайнѣ ненавидимъ сръ души
 Жизнь городовъ съ ихъ бездухомъ острожнымъ...
 Сто лѣтъ жилъ Бунъ въ доверствѣ безтревожномъ

LXIII

И честное намъ имя завѣдалъ
 Съ извѣстностью почетной и всемирной...
 Мечъ война той славы не давалъ;
 Нѣтъ, какъ припѣвы пѣсенки тракторной,
 О, слава! мимолетна въ мирѣ твѣ,
 Когда въ тебѣ нѣтъ дѣтской чистоты.
 Отшельникъ Бунъ жилъ, какъ дитя природы,
 Ни съ кѣмъ не раздѣливъ своей свободы.

LXIV

Да, онъ бѣжалъ людей и земляковъ.
 Когда они жить рядомъ съ нимъ хотѣли,
 Онъ удалился въ глубь своихъ лѣсовъ,
 Гдѣ люди досаждать ему не смѣли
 (Скучна цивилизація ужъ тѣмъ,
 Что угодить въ ней невозможно всѣмъ),
 Когда жъ съ людьми порою онъ встрѣчался,
 То кротостью и лаской отличался.

LXV

Но одинокомъ не былъ онъ, росла
 Съ нимъ дѣти въ тѣнѣхъ небренъ и охоты
 Среди новой, возродившейся земли,
 Не вѣдая печали и заботы.
 Вдали людей, въ вѣду простыя картины,
 Они не знали горести и жорданъ,
 Младенчески любили мать природу...
 Свободный лѣсъ оберегъ имъ ихъ свободу.

LXVI.

Ихъ нѣтъ было, каждый крѣпокъ и здоровъ,
 Ихъ умъ не волновала адность съ дѣтства,
 Какъ всѣхъ дѣтей изъ шумныхъ городовъ:
 Зеленые лѣса — вотъ ихъ наследство.
 Ихъ не пугала дряхлость горожанъ,
 Ихъ мода не ридила въ обсерванъ
 Они въ ядрѣ безъ промаховъ ступали,
 Но ссоры межъ собою презирали.

LXVII.

Подбный трудъ ихъ силъ не утомлялъ,
 Сопровождало всюду ихъ веселье,
 Ихъ чистоты развратъ не осквернялъ,
 Не увлекало роскоши бездѣлье
 Дѣтей лѣсовъ; не вѣдая заботъ,
 Они умѣли жить за годомъ годъ,
 Не зная городского поселенья, —
 Не тяготило ихъ уединенье.

LXVIII.

Теперь мы для контраста перейдемъ
 Къ дѣламъ цивилизованнаго вѣка,
 Гдѣ есть чума, войны унорной громъ,
 Гдѣ жажда власти губить человека;
 Пойдемъ туда, гдѣ тысячи солдатъ
 По прихоти въ кровавый бой спѣшатъ,
 Гдѣ имъ готова вѣрная могила...
 Вернемся мы къ осадѣ Измаила.

LXIX.

Взять Измаилъ. Проклятыя, стоны, крикъ,
 Войска частями дѣ крѣпости проламались,
 Съ турецкой саблей скрепялась, штыкъ,
 Рыданья бѣдныхъ женщинъ раздавались,
 А сѣрый дымъ надъ городомъ стоялъ
 И небо утра раннего скривалось,
 Какъ бѣшеные, турки защищались
 И каждый шагъ земли стѣбитъ старались.

LXXI.

Кутузовъ, — тотъ, что послѣднѣе отъѣхалъ,
 Наполеону (съ помощью маршала),
 Былъ встрѣченъ мудрымъ манамъ въ уноръ,
 Онъ молодъ былъ тогда, еще в розетъ,
 Любилъ острить предъ другомъ и врагомъ,
 Хотъ пули, ядра сыпалась кругомъ;
 Но здѣсь, съ остаткомъ гренадерской роты,
 Онъ долженъ былъ забыть свои острофы.

LXXII.

Съ толпой солдатъ онъ ровъ перескочилъ,
 Гдѣ лужи алой крови пролились,
 Здѣсь храбрецы, собравъ остатки смель,
 На верхъ до парапета добрались,
 Но ихъ кружокъ съ урономъ былъ отбитъ,
 (Межъ ними Рибопьеръ тогда убитъ),
 И мусульмане въ ровъ окровавленный
 Отбросили Кутузова съ колонной.

LXXIII.

Ихъ спасъ одинъ благодатный отрядъ,
 Онъ къ берегу былъ привезенъ тепленькимъ,
 Гдѣ въ мѣстности, безвѣстной для солдатъ,
 Какъ сонный онъ бредилъ, но съ настроенчанъ
 Алчущаго утра, онъ попалъ
 Туда, гдѣ полкъ Кутузова стоялъ.
 Такъ, въ это утро съ солнечнымъ восходомъ,
 Кутузовъ былъ спасенъ отъ прихода.

LXXIV.

Его солдаты стали уже терять
 Последнюю надежду, на спасенье,
 И начали отъ страха трепетать,
 Какъ тотъ отрядъ, мѣлуя укрѣпленье,
 Открылъ имъ входъ въ упрямый Наманъ,
 И духъ героевъ бѣднѣе оживилъ,
 Продрогнувшихъ отъ дѣла, а они сужили
 Въ глубокомъ рву, вранъ провальной мушкетерской

LXXIV.

Казакъ, или дурно — Исманъ —
 (Не соблюдаю я правникоу,
 Ошибки только чиню фанатноу,
 И дѣло, право, всею чиню магану)
 Умѣвшіе лянъ съ гнѣвомъ наготать,
 Не мастера осадой: привѣсть брата
 Но ловкостю средѣ оны диванъ
 И турки всѣхъ сажавоу зарубанъ

LXXV.

Хоть сыпалась дружокъ на нихъ картечь,
 Они на валъ взобратся нестерпиво,
 И думали, что остануть городъ жефъ,
 И грабить Изманъ уже собираюу,
 Но то дурной къ несчастью былъ расчетъ,
 И турки, заманивши ихъ впередъ,
 Разчитаннымъ, заманивши отступленьемъ,
 На нихъ напали вдругъ съ остервененьемъ

LXXVI.

Едва взглянуло обидѣ сквозь туманъ
 Казаки, жертвы кинжолоу воиной,
 Погибли отъ ударовъ мусулманъ,
 И съ хрибостю своею похвѣвшоу
 Ложились грудой труновъ на пути,
 По ихъ тѣламъ впередъ спѣшали пройти
 Есупкій не далъ конякъ съ базальпомъ
 И торопился къ грозному бастионъ

LXXVII.

Тотъ храбрый мужъ вразѣ новоду бѣдѣ
 Но защищая городъ осаждаюу,
 Герою неприятель отометь гнѣвъ
 И палъ Есупкій, въ бѣдѣ торжественноу
 Но русскіе валахъ рѣшились,
 Хоть не могли еще терпѣть оны дѣла,
 Ударъ ударомъ трагическимъ
 Безъ крови шагъ за шагъ

LXXXII.

Взять Иманлазъ, похитить бьяль по частямъ,
 Смерть кровью жертвъ несчастныхъ ушнчалась,
 Стенанья раздавались здѣсь и тамъ...
 И въ этотъ часъ самъ богъ войны, какълось,
 Блѣднѣлъ отъ звѣрства бывшей рѣзни,
 И люди, — полно; люди ли они? —
 Чудовищами были въ тѣ мгновенья,
 Чудовищами зло и преступленья.

LXXXIII.

Одинъ изъ офицеровъ русскихъ вдругъ
 Почувствовалъ, межъ зубовъ пробрался,
 Что былъ зубами схваченъ за каблуки,
 Такъ насъ змѣя шатаетъ; поминался,
 Напрасно рвался онъ, ругался и кричалъ,
 И какъ голодный волкъ на понощѣ звалъ,
 Но зубы все сильнѣе въ него вшивались,
 И съ жертвою своей не расставался.

LXXXIV.

Такъ турокъ умравшій укусила
 Врага за ногу хищными зубами,
 Въ его пята съ хрипѣньемъ ихъ вонзала...
 (О, Ахиллесъ! Ужъ съ давнихъ поръ желавшамъ,
 Какой нибудь острокъ виновенъ тутъ,
 Всѣмъ именовъ твоихъ ее зонуть.)
 И послѣ смерти даже, весь черепень,
 На ней повисъ зубами жуткимъ маньякъ.

LXXXV.

Затѣмъ скажу, что русскій офицеръ
 Калѣкою, хромымъ остался въ члѣ,
 Врачъ полковой не могъ придумать члѣ,
 Чтобъ выгнать его, и врачъ, конечно,
 Упрековъ долженъ больше выслушать,
 Чѣмъ павшій турокъ, вѣдущій вѣденье,
 Всѣ зубы въ неприкосновенную ногу,
 Нѣтъ, русскій врачъ виновнѣе, — Богу.

LXX XVI.

Но фактъ здѣсь вѣрнѣе. Могущей мощью
 Неправды избѣгать всегда образъ...
 Въ поэтѣ: зови искусство: возси китъ,
 Когда къ однихъ оны выдумканъ привазанъ,
 Къ фантазіи оны: можеть прибѣгать,
 Чтобъ ствелемъ поэтическимъ являть
 И ложью поэтической стараться
 Въ сердца людей догнривыкъ пробраться.

LXX XVII.

Взять Измаилъ, но не слава. Бранимый мечь
 Изъ рукъ враговъ лишь: омертвѣе: зарезавъ...
 Потоконъ кровь не устала течь,
 И турки въ битвѣ драбра ушрала.
 Напрасно раздаются: сквозь туманъ
 Побѣды крикъ въ войскаль: воспеваютъ,
 На каждый крикъ героевъ: разъяренныхъ,
 Вкругъ отзывались: стовы: побѣжденныхъ.

LXX XVIII.

Разять штыки и: сабли все: разять,
 Тѣла людей лежатъ: врозной: мечей...
 Какъ осень обрываетъ: пышный садъ,
 Какъ буря наклоняетъ: лѣсъ: могучій,
 Такъ разрушался: герцогъ: Изабелъ,
 Но оны въ своемъ: надеянъ: грозенъ: бываъ
 Такъ падаетъ: во время: бури: лѣтней
 Грозой: разбитый: дубъ: члмечелѣтній.

LXX XIX.

Ужасныя картины!: Намъ: нора
 Отъ ужасовъ: военныхъ: отвернётся...
 Такъ жизнь: идетъ: смѣшенъ: зла, добра...
 Тамъ плачутъ: люди, здѣсь — они: смѣются...
 На жизнь: смотря: съ одной: лишь: стороны,
 Касаясь: до: одной: ея: струны,
 Читателямъ: наскучить: я: рискую.
 Я миръ: со: всѣхъ: сторонъ: его: рисую.

.177. XII

Среди рѣзни, среди шумныхъ дѣлъ, я вижу много ои
 Одинъ поступокъ добрый, коимъ неограниченъ являюся
 (Въ нашъ фарисейскій вѣкъ на рожь встрѣчалъ
 Я это выраженное). Пусть и не слава имени ни вѣтой
 Такой поступокъ жестокъ, многокъ стрессъ
 И отъ войны забытъ, а гонимъ, и не имѣетъ доброты
 Хотя въ войнѣ пѣвцы похвалять темъ, и не имѣютъ ои
 Нерѣдко для эфирной души, и не имѣютъ ои

.178. XIII

Въ одномъ изъ бастионовъ, гдѣ выжили нѣмцы, и не имѣютъ ои
 Тѣла убитыхъ, морщины придались, и не имѣютъ ои
 (Онѣ и здѣсь спасенья не имеютъ), и не имѣютъ ои
 Повсюду сцены страшныя, и не имѣютъ ои
 А между тѣмъ, прелесть, какъ, и не имѣютъ ои
 Тѣлами мертвецовъ, и не имѣютъ ои
 Хорошенькая, и не имѣютъ ои
 И трупами укрываетъ, и не имѣютъ ои

.179. XIV

За ней гнались два страшныхъ казака, и не имѣютъ ои
 Оружіемъ надъ дѣвочкой, и не имѣютъ ои
 Предъ звѣрствомъ, и не имѣютъ ои
 Звѣрей сибирскихъ, и не имѣютъ ои
 Медвѣдя, волка, и не имѣютъ ои
 Кого жь должны, и не имѣютъ ои
 Натура ли людей, и не имѣютъ ои
 Война толпу доводитъ, и не имѣютъ ои

.180. XV

Надъ дѣвочкой ударъ уже видѣть, и не имѣютъ ои
 Всѣмъ тѣломъ содрогаясь, отъ волненья, и не имѣютъ ои
 Она хотѣла сдразниться, и не имѣютъ ои
 Но Донъ, Жуаннъ, и не имѣютъ ои
 Что онъ сказалъ, и не имѣютъ ои
 Чтобъ не смутить людей, и не имѣютъ ои
 Но тотчасъ же казаки, и не имѣютъ ои
 Ударъ его неотразимой, и не имѣютъ ои

XCVIII.

«Хоть Сераксиръ въ дѣлной своей рабствѣ умножилъ,
 Но въ бастіонѣ каменномъ скрывался,
 Межь сотни тѣлъ паша еще сидитъ,
 Куря кальянъ, спокойно наслаждаясь
 И нашею и собственной страдальбой,
 Вкругъ баттарей падаютъ пурьбой,
 Горою труповъ храбрые солдаты,
 И все-таки завалы дѣла не ваять»

XCIX.

«Впередъ за мной!» — «Не поспешите, Дюмонъ,
 На это беззащитное созданье,
 Сейчасъ ребенокъ звать мнѣ спасенья:
 Нельзя жь бросать его безъ состраданья,
 Гдѣ спрятать мнѣ его?» Дюмонъ промолчалъ,
 Потомъ свой галстухъ шелковый онъ сматалъ,
 И возразилъ: «Бѣдняжку жалко! Вазъ привези,
 Но все жь ребенка спрячете куда-нибудь?»

C.

Жуанъ сказалъ: — «Что бы ни было со мной,
 Я дѣвочку не брошу безъ призора,
 Пусть будетъ меньше жертвою одной,
 — «Мы всѣ погибнуть можемъ очень скоро,
 — «Пусть будетъ такъ! Я все переношу,
 Но дѣвочку отъ гибели спасу.
 Она осталась въ мѣрѣ одинока,
 И бросить такъ несчастную — жестоко»

CI.

— «Послушайте! Ребенокъ оченъ милъ,
 Подобныхъ глазъ не видѣлъ я ни гдѣ,
 Но, Довъ-Жуанъ, предъ нами Жюанъ,
 Пусть чувствамъ предаются таланты дѣтскыя,
 Поймите, городъ грабятъ и вѣтъкъ жасныя,
 И медленность — постыдный грѣхъ,
 Впередъ, Жуанъ! Тамъ, гдѣ огонь сверкаетъ,
 Обонхъ насъ побѣда ожидаетъ»

СII.

Жуанъ не сомнѣвался, и тогда
 Джонсонъ, его любившій очень много,
 Двухъ-трехъ солдатъ избралъ не безъ труда,
 Чтобъ поручить ребенка имъ, и строго
 Подъ страхомъ смерти имъ повелѣвалъ,
 Чтобы сиротку каждый охранялъ
 И за ея покой и обережанье
 Онъ обѣщала дать имъ награжденье.

СIII.

Потомъ добычу пашникъ муоульманъ
 Межъ ними раздѣлить онъ обѣщала...
 И бросился тогда въ огонь Жуанъ...
 Громъ выстрѣловъ повсюду раздавался,
 Все рѣже становилася кругъ солдатъ,
 Но все впередъ, впередъ она сѣшать...
 Герой въ войнѣ добычу жадно проситъ,
 Дерется львомъ и ранъ вокругъ наноситъ.

СIV.

Вотъ каковы герои всѣхъ побѣдъ!
 Большая часть изъ нихъ — такого рода.
 Безъ грабежа имъ славы въ мирѣ нѣтъ,
 Безъ грабежа невѣдома свобода...
 Но — далѣе... Одинъ татарскій ханъ
 (Онъ также называется — «султанъ»),
 Не думая о сдѣчѣ, защищался
 И умереть съ мечомъ въ рукахъ пожелалъ.

CV.

Онъ былъ явной сыномъ окруженъ.
 (Такъ многоженство воинновъ рождаетъ
 Десятками). Дрожать при мысли онъ,
 Что Измаилъ разбитый погибаетъ,
 И жизнь свою рѣшился защищать...
 Не древняго героя восхвалять
 Хочу я здѣсь, не стараго Султана,
 Стоящаго средѣ вражескаго стана.

CVI.

Какъ взять его?.. Храбрѣе всегда вѣдѣть, онъ и пѣтухъ
 Враговъ такихъ же храбрыкъ на дорогѣ.. а не бойдъ
 Героевъ войнѣ не вѣдѣе двойственъ: вѣдѣтъ и не вѣдѣтъ
 То — полу-звѣрь, или полу-боги, и не вѣдѣтъ и не бойдъ
 Они ревуть, какъ волны на бѣгу, и не вѣдѣтъ и не бойдъ
 То состраданье чувствуютъ къ врагу.. а не бойдъ
 Такъ иногда и въ самыхъ черствыхъ людяхъ.. а не бойдъ
 Проснется чувство доброе въ ихъ грудяхъ.. а не бойдъ

CVII.

Но пѣна не желала узнать Султана и не бойдъ
 И, разжигая злобу къ ермендерахъ, и не бойдъ
 Рубилъ съ плеча удерныхъ крестіанъ, и не бойдъ
 Какъ шведскій Карлъ когда-то при Бендеракъ.. а не бойдъ
 Не отставали дѣти отъ отца, и не бойдъ
 Желая съ нимъ остаться до конца, и не бойдъ
 И жалость понемногу остывала, и не бойдъ
 Въ сердцахъ солдатъ у крѣпостнаго вала, и не бойдъ

CVIII.

Напрасно и Джонсонъ и Донъ Жуанъ, и не бойдъ
 Пускали въ ходъ дарвіе Востока, и не бойдъ
 Прося, чтобъ лучше сладеа имъ Султана, и не бойдъ
 Чтобы не быть изрубленными жеслою, и не бойдъ
 Тотъ разсыпалъ удары вмѣсто словъ, и не бойдъ — онъ
 Такъ съ скептиками докторъ-богословъ, и не бойдъ
 На диспутѣ бранится безъ пощадъ, и не бойдъ
 Такъ дѣти иногда бить нянекъ старыи, и не бойдъ

CIX.

Имъ раненъ былъ Жуанъ и самъ Джонсонъ, и не бойдъ
 Жуанъ вздыхая, съ крикомъ англичанинъ, и не бойдъ
 Напали на султана съ двухъ сторонъ, и не бойдъ
 (Британецъ былъ возбужденъ за то, что раненъ), и не бойдъ
 И бросилась тогда со всѣхъ концовъ, и не бойдъ
 Ватага раздраженныхъ храброевъ, и не бойдъ
 На сыновей и стараго султана, и не бойдъ
 Какъ частый дождь, летящій изъ тумана, и не бойдъ

СХ.

И всѣ они погибли. Сынъ второй,
 Насквозь пробитый пулею, палъ мертвый,
 Сынъ третій былъ изрубленъ той порой,
 Подъ остреёмъ штыка погибъ четвертый,
 Сынъ пятый, какъ другіе, умерщвленъ.
 Хоть былъ онъ христіанкою рожденъ
 И съ нимъ отецъ сурово обходился,
 Но за отца онъ умереть рѣшился.

СХІ.

Былъ туркомъ кровожаднымъ — старшій сынъ,
 Достойный сынъ ученя Магомета.
 Онъ въ смерти видѣлъ свѣтлый рядъ картинъ,
 Въ ней видѣлъ гурій будущаго свѣта,
 Прекрасныхъ, черноокихъ, райскихъ женъ.
 Тотъ, кто однажды ими былъ смущенъ,
 Тотъ рвется къ тѣмъ пльнительнымъ созданьямъ
 И не считаетъ смерти наказаньемъ.

СХІІ.

Какъ будетъ ими встрѣченъ юный ханъ?
 Не знаю я, но нѣтъ въ одномъ сомнѣннѣ,
 Что гуріи среди далекихъ странъ
 Всѣмъ юношамъ окажутъ предпочтеннѣ
 Предъ старостью. Вотъ почему въ войнѣ
 Толпами гибнутъ юноши въ огнѣ;
 Тѣлами ихъ покрыта вся поляна,
 И смерть падитъ съдаго ветерана.

СХІІІ.

Всѣмъ гуріямъ пріятно овладѣть
 Красивымъ мужемъ въ мѣсяцъ медовомъ,
 Когда на женъ онъ не привыкъ смотрѣть
 Холоднымъ взоромъ, тусклымъ и суровымъ,
 Когда жена ему еще близка
 И непріятна роль холостяка.
 Всѣмъ гуріямъ, что очень вѣроятно,
 Поймать въ свой рай мужей такихъ пріятно.

СХІV.

Такъ юный ханъ, забывъ законныхъ женой
 И предъ глазами видя только гурій,
 Рвался впередъ, ихъ видомъ восхищаясь,
 Рвался впередъ несокрушимой бурей...
 Дерется мусульманцнъ словно левъ,
 Чтобъ заслужить объята райскихъ днвъ.
 Они стремятся всѣ къ небесной сферѣ,
 Хотъ всѣхъ небесъ — шесть, семь, по крайней мѣрѣ.

СХV.

Виднншемъ райскимъ такъ онъ былъ плененъ,
 Что падая в кровью обливаясь,
 Шепнулъ: «Аллахъ!» — в рай увидѣлъ онъ.
 Завѣса рая пала, раскрывалась.
 Предъ нимъ сіянье райское встаетъ,
 Какъ безконечный солнечный восходъ,
 И въ сладострастномъ, розовомъ сіяньѣ
 Явились гуріи. Тогда дыханье —

СХVІ.

Онъ испустилъ, съ сіяньемъ на челѣ...
 Тутъ старый ханъ, про гурій не мечтавшій,
 Однихъ дѣтей любившій на землѣ
 И ихъ такъ невозвратно потерявшій,
 Замѣтивъ, какъ упалъ сыновній трупъ,
 Какъ топоромъ сраженный съ корня дубъ,
 Надъ тѣломъ сына старшаго склонился
 И отражать враговъ не торопился...

СХVІІ.

Онъ мечъ склонилъ. Тогда его судьбой
 Растроганы, солдаты не желали
 Вновь продолжать кровопролитный бой
 И старика о сдачѣ умоляли.
 Онъ ихъ движеній, словъ не понималъ,
 Онъ словно сердце разомъ потерялъ
 И задрожалъ какъ листъ... Онъ догадался,
 Что въ этомъ мнрѣ одинокъ остался.

СХVIII

Но онъ опухъ, дадутъ, Однимъ прощаньемъ
 На рядъ штыковъ онъ, дружно, насперть, сядетъ и умъ.
 Такъ мотылекъ, скользя надъ опрыскомъ, летитъ и шумитъ
 Кружится и, спаленный, умираетъ.
 Еще сильнѣй, сильнѣе онъ, малютка, встанетъ и пошумитъ II
 На сталь штыковъ, чтобъ кончить, жизнью, своимъ, остатокъ II
 И посылая дѣтямъ взглядъ прощанья, сядетъ и умъ II
 Онъ испустилъ послѣднее дыханье.

СХIX

И войны, привыкнувъ, карать, не смелъ, ни одинъ изъ нихъ II
 Всѣхъ встрѣчныхъ на пути, споспѣхъ, кровопролития, II
 Смотри, какъ старецъ началъ умирать, II
 Въ спокойствіи и гнѣвѣ величавомъ, II
 Разстроганными были въ этотъ часъ, II
 Хоть слезы не струились изъ глазъ, II
 Но къ смерти благородное прирѣшило, II
 Въ нихъ вызвало къ герою удивленье, II

СХХ

Но главный бастіонъ еще стоялъ, II
 Гдѣ самъ паша упрямъ, не сдавался, II
 И громомъ пушекъ, армію встрѣчалъ, II
 По временамъ лишь только онъ оправдался, II
 Взять или нѣтъ врагамъ Измаилъ, II
 Когда жъ узналъ о гибели всѣхъ солдатъ, II
 Послалъ онъ Бея сдѣлать соглашенье, II
 Чтобъ сдачей кончить долгое сраженье, II

СХХI

А самъ, скрестивши ноги, онъ сидѣлъ, II
 Среди развалинъ, трубкой наслаждаясь, II
 Спокойнымъ блескомъ взоръ, его горѣлъ, II
 Паша на все смотрѣлъ не возмущаясь, II
 Онъ бороду разглаживалъ рукой, II
 И благовонный дымъ пускалъ, съ такой II
 Улыбкою спокойной, словно боги II
 Ему три жизни дали для дороги, II

СХХИ.

Такъ, городъ востъ... Врѣтъ цѣльнѣе извѣстно, гно он
 Бму и жизнь и храбрость...
 Низвергнуть быль луны блестящій рогъ...
 Не существуетъ больше...
 И красный крестъ надъ городомъ блестящій...
 Надъ Ишаромъ зарево стоитъ...
 И какъ въ волнахъ дышетъ лунный серебряскъ,
 Такъ въ морѣ крови городъ отраженъ.

СХХИА.

Все то, что мысль способна изречь,
 Все то, что порождаетъ преступленья,
 Все то, что дьяволъ можетъ совершить,
 Когда онъ доведенъ до отступленья,
 Все то, предъ чѣмъ потухнуть можетъ...
 Все то, что наполняетъ смиренья...
 Толпясь надъ этимъ крестнымъ...
 Все это съ цѣпи разомъ сорваево тамъ.

СХХИВ.

Немногимъ, можетъ быть, и удалось,
 Въ порывѣ благороднѣйшаго сердца,
 Спасти ребенка; можетъ быть, пришлось
 Имъ защитить едваго иновѣрца,
 Но — это капля въ морѣ. О, Парижъ!
 О, лондонскій звѣзжа! Посмотри жь,
 Какое благородное занятье
 Въ войнѣ наши твои земные братья!...

СХХИГ.

Подумайте, какой цѣною зла
 Дается всѣмъ намъ чтеніе газеты!...
 И всѣхъ васъ смерть застигнуть такъ могла...
 О, человѣкъ! страшись ее вездѣ ты...
 Готовясь къ ней, ты подати плати
 И вспоминай почаще на пути
 Исторію Ирландіи голодной,
 Ирландіи несчастной и безплодной.

СХХVІ

О, люди! Вы голодный этот край
 Уаллесла ослепотил вы
 Пусть безъ цвѣтовъ жаръ васъ прохолодитъ май,
 Пусть жатвы вѣнчаютъ васъ,
 Что сытымъ голодъ вашъ не даетъ забыть
 Ирландія вся съ голоду умретъ,
 А онъ, Георгъ великій, беззаботенъ
 Все будетъ жить и кушать и пить

СХХVІІ

Но эту пѣсню кончить нужно: Пилс
 Несчастный городъ въ Варшавѣ
 Дунай кровавый мрачно отражалъ,
 Побѣдъ гремятъ вѣнчающаго
 Но пушекъ грозный ревъ ушко ватихъ
 Изъ каннелъ свистятъ вавилонъ
 Лишь дымъ и дѣла въ войскахъ
 Все остальное въ войскахъ

СХХVІІІ

Но арміи отдать я долженъ честь
 Она одно достоинство
 Ту добродѣль чуждой можно честь,
 А потому о ней скажу я
 Быть можетъ, съ суровости
 Отъ тощей пищи, холода и чумы,
 Но храбрости не чужды
 Турецкихъ дамъ вавилонъ

СХХVІХ

Убийствамъ гражданамъ, грабежамъ,
 Они немного этимъ завяжутся,
 И я на нихъ французамъ укажу,
 (О нихъ развратъ томъ кончимъ съ).
 Пусть этотъ фактъ оставятъ намъ
 Но дамы крѣпостныя, говорятъ,
 Застигнуты въ кандалахъ
 Остались всѣ кандалы

ОХХУ.

Случались и ошибки въ темнотѣ,
 Безъ фонарей вкусъ часто нѣтъ милостыни,
 Притомъ, въ войнѣ мечтаю о прасолѣ,
 И дымъ и торжественность дамъ армянскихъ,
 А потому не забываю бѣды,
 Шестъ старыхъ дѣвъ семидесяти лѣтъ,
 Они волненье новое угадаю,
 И гренадеровъ деди не выгадаю.

ОХХХ.

Но вообще съ достоинствомъ вали,
 Себя войска, и дѣвы дѣтъ преклонныхъ,
 Скрыть недовольства даже не магла,
 Что ихъ не взяли въ плѣны, какъ доблестныхъ,
 И вотъ онѣ старались отыскать
 Своихъ ривданъ, ядоби съ ними въ бракъ вступили,
 Въ Сабинскій бракъ, безъ проводочекъ диванныхъ,
 Ненужныхъ тратъ и объясненій.

СХХХ.

Иныя вдовы, лѣтъ подлѣ пятьдесятъ,
 Истративъ весь запасъ своихъ услаждѣній,
 Шептали, вкругъ бросая гениный ласкалъ,
 «Ну что жь они не дѣлаютъ насилій?»
 Но посреди другихъ грѣховъ тотъ грѣхъ,
 Лишь только былъ одною изъ дѣлъ,
 Что съ вдовами случилось въ суровое время,
 Едва ли кто нибудь до нихъ былъ дошелъ.

СХХХН.

Какъ новый Чингисъ-ханъ въ Таверландъ,
 Суворовъ побѣдителемъ остался,
 Когда горѣлъ кругомъ разбитый станъ,
 И пушекъ ревъ еще не унимался,
 Онъ въ Петербургъ донесу записку,
 Дешешу эту я не забываю,
 «Помилуй Богъ! Взята враговъ столица,
 Вьютъ Изманль! Да здравствуютъ царица!

СХХХІУ.

Ужаснѣе я словъ не находилъ.
 Подобныхъ словъ перо не начертало...
 То, что прочелъ великій Давидъ,
 Въ себѣ даждо смысла не виѣщало...
 Не оскорбилъ всей націи пророкъ,
 А этотъ остроумецъ русскій могъ
 Писать стихи съ развалинъ бастіона,
 Являя міру новаго Нерона.

СХХХV.

Мелодію свою онъ написалъ
 Подъ музыку предсмертныхъ, хриплыхъ стоновъ.
 Потомъ ее едва-ль кто повторялъ,
 Но имена вѣхъ деспотовъ, Нероновъ,
 Заставлю я и камни повторять!...
 Никто пусть не осмѣлится сказать,
 Что мы предъ ними ползали на свѣтѣ,
 И пусть свободу встрѣтятъ наши дѣти.

СХХХVІ.

О, дѣти! Пусть для васъ она придетъ!...
 Покажется вамъ басней невозможной
 Весь мой рассказъ, весь этотъ эпизодъ...
 О немъ забудьте въ вѣкъ вашъ безтревожный
 И прокляните вѣкъ нашъ поскорѣй,
 Сильнѣй, чѣмъ первобытныхъ дикарей:
 Они себя раскрашивать старались,
 Но ихъ узоры кровью не писались.

СХХХVІІ.

Когда жь историкъ въ древностахъ васъ введетъ,
 Укажетъ на героевъ, — вы смотрите
 На нихъ, какъ мы — на мамонта кребета,
 И ихъ дѣла понять не хлопочите...
 Такъ смотримъ мы на надписи пирамидъ.
 Загадки ихъ никто не разрѣшитъ,
 Никто не разгадаетъ ихъ значенья,
 Какъ самой пирамиды назначенья.

СXXXVН.

Читатели! Исполнилъ я вполнѣ, ...
 Что общалъ. Я пѣлъ торей полщенья,
 Пѣлъ о любви, о буряхъ, о войнѣ,
 Все сдѣлалъ такъ, какъ нужно, ...
 Эпическую форму сохранилъ,
 И живыхъ извращеній избежалъ,
 Хоть Аполлонъ выдумалъ и мнѣ мораль,
 Которые, то строги, то игривы.

СXXXIX

Нерѣдко вырывались у меня,
 Здѣсь я прерву герря дохожденья,
 Таинственность подобную цѣля,
 И отдохну пока отъ утомленья,
 На половину кончивъ свой романъ,
 Межъ тѣмъ съ депешей посланъ былъ Жуанъ,
 Въ столицу, гдѣ давно, депеши ждали,
 И за исходъ осады третейши.

СXL

Онъ эту честь за храбрость заслужилъ,
 И за прекрасный подвигъ состраданья,
 Онъ общимъ одобреньемъ встрѣченъ былъ,
 Когда въ рѣзнь невинное созданье
 Отъ звѣрства изступленнаго онъ спасъ,
 Жуанъ былъ самъ доволенъ во сто разъ
 Спасеніемъ турчанки той прекрасной,
 Чѣмъ орденомъ почетнымъ съ лентой красной.

СXL

Отправилась съ нимъ вмѣстѣ сирота,
 Она одна осталась въ вѣдомъ свѣтъ,
 У ней семья навѣки отнята,
 Сталь чуждъ ей Измирль. На минаретѣ
 Къ молитвѣ не зоветъ уми шудань,
 Надъ ней рыдалъ тецерь Жуанъ одинъ,
 И далъ обѣтъ, — онъ вѣрнѣ былъ обѣщанъ,
 Лелѣять и беречь малютку эту.